

Снова зарядил дождь.

Осенняя изморось тянулась нескончаемой чередой. Мелкие, частые капли упрямо падали с неба, не прекращаясь ни на миг. Повсюду блестели сырые потеки, земля напиталась влагой, сделавшись вязкой и скользкой.

Листья на деревьях и трава в поле стояли умытые дождем, и за несколько дней ничто вокруг так и не просохло.

Даже сизая черепица на крышах покрылась влажным, лоснящимся налетом. Стоило распахнуть окна или двери, как косой порыв ветра тут же заносил в комнату водяную пыль.

Горный туман и осенний дождь принесли с собой зябкую промозглость; вся деревня казалась размытой и утопала в серой сырости.

Впрочем, в начале осени настоящие холода еще не наступили.

Когда идет такой дождь, вода стоит повсюду. Совсем как летом, из прудов наружу полезли лягушки и жабы — их теперь можно было встретить на каждом шагу.

Иные умудрялись проскользнуть прямо в дом, но хозяева тут же выставляли незваных гостей за порог — либо пинком, либо подцепив железной лопатой.

Деревенские псы, завидев в комнатах этих неуклюжих пучеглазых тварей, вели себя по-разному: одни скалились и заливались лаем, другие — принимались обнюхивать чудище и лениво катать его лапой ради забавы.

Стоило жабе перевернуться на спину, обнажив светлое брюшко, как она принималась судорожно и беспомощно дрыгать четырьмя растопыренными лапками. Зрелище это выходило одновременно и жалким, и донельзя комичным, вызывая у людей лишь брезгливое недоумение.

Вечерами и по ночам то ли лягушки, то ли жабы заводили свою бесконечную песнь: «Ква-а-а... ква-а-а...» — утробные, вибрирующие звуки, казалось, исходили из самых глубин их раздувшихся животов. Стоило услышать этот унылый хор, как в мыслях тут же вставала сырая, хлюпающая хмарь за окном.

Иные крестьяне давно привыкли и не обращали внимания, на других же этот монотонный гул нагонял невыносимую тоску.

Дождь лил без просвета два дня, так что большинству тружеников пришлось остаться дома и коротать время под крышей.

*

Педадь ткацкого станка то опускалась, то поднималась, мерно чередуя верхние и нижние нити основы. Механизм глухо похлопывал. Рука мастерицы ловко и споро посылала челнок то слева направо, то справа налево.

Под этот привычный стук дверь в восточное крыло оставалась полуоткрытой.

С запертыми дверями в комнате было слишком темно, а зажигать масляную лампу средь бела дня — чистый убыток, не по-хозяйски.

Пэй Яо как раз раскрашивал свою деревянную овсянку. Рука, державшая кисть, была

удивительно твердой, а лицо — сосредоточенным. Казалось, ни шум дождя, ни мерный стук ткацкого станка не долетали до его слуха — все его мысли и взор были прикованы к деревянному бруску.

В главной комнате тоже кипела работа.

Доу Цзиньхуа сидела за станком, а Чэнь Чжи и Чанся пряли нити.

За ткацким станком долго не высидишь — спина затечет, поэтому они время от времени менялись местами.

Пока руки были заняты делом, Чэнь Чжи неторопливо беседовал со свекровью:

— На днях слышала от Ютан, что в следующем году они с мужем, возможно, затеют строительство нового дома. Да только дело это накладное, кучу денег извести придется. А уж пока построишь, пока внутрь въедешь — добрый год, а то и полтора пролетит.

— К тому же Хун-эру в следующем году исполнится шестнадцать — самый возраст для сватовства. И пускай до самой свадьбы еще года два-три в запасе есть, но попробуй-ка за это время скопи на приличный выкуп да на богатый пир! Разве это так просто?

Доу Цзиньхуа тоже слышала об этих планах от дочери, поэтому сейчас всем сердцем беспокоилась о её доле.

У Пэй Ютан подрастали двое сыновей. Младшего пока в расчет брать рано, но разница между мальчишками была всего три года. Не успеют старшего, Ли Хуна, женить, как тут же нагрянут заботы о втором сыне, Ли Шоу.

В последние годы дела у семейства Ли пошли в гору, но они всё же оставались обычными деревенскими жителями. Жили с земли да с продажи нектарин, так что семейный достаток был, прямо скажем, небогатым. Если они и впрямь решат снести старую развалюху и отстроиться заново, от всех их накоплений мало что останется.

В свое время и усадьба Пэй прошла через это.

Впрочем, было у Ли и доброе подспорье: у Пэй Ютан росли двое сыновей, и когда те приведут в дом жен, в хозяйстве окажется сразу четверо молодых, сильных работников. Если жить дружно да тянуть лямку в одну сторону, то и будущие дни сложатся как нельзя лучше.

С тех пор как у семейства Пэй вырос добротный дом под сизой черепицей, Пэй Ютан не могла нарадоваться. Когда у тебя за спиной стоит крепкий родительский дом, а родной брат со своим фуланом — люди не робкого десятка, то и спину держишь прямее, и на людях показаться не стыдно.

По правде говоря, именно глядя на обновленную усадьбу брата, они с Ли Юнцином тоже загорелись этой мыслью — кому же, кому не хочется жить в просторном доме со светлым двором?

Женить сыновей — дело обязательное, семья у них не настолько нищая, чтобы по миру ходить, так что одинокими парни точно не останутся. Вот только вопрос с жильем не давал покоя: старый дом хоть и поизносился, да только его повсюду подлатали, так что крыша над головой имелась.

У Пэй Юва и Чэнь Чжи был всего один сын — Пэй Яо. Когда они затевали стройку, Чанся уже жил с ними, но в те поры старшие еще не думали о том, чтобы женить молодых на стороне или искать им другие семьи.

Для воспитанника-суженного, у которого нет родни, свадьбу можно сыграть без лишних затей и пышных обрядов — расходов почти никаких. Поэтому родители тогда и не закладывали в смету траты на женитьбу сына, а всю душу и монеты вложили в строительство дома. Оттого и забот о деньгах у них сейчас было куда меньше.

Чанся молча слушал их разговоры, а его руки тем временем заставляли прялку крутиться с бешеной скоростью.

Когда Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа завели речь о прибавлении в семействе, юноша вдруг вспомнил слова, сказанные Пэй Яо на днях.

Младенец...

В их деревне стоило какой-нибудь девушке или шуаньэру выйти замуж, как через год-полтора непременно прилетала весточка о беременности. Да и те невесты и мужья, что прибывали в самую деревню Ваньэр, жили точно так же: свадьба, а следом — рождение дитя, одно за другим.

Чанся часто видел женщин и шуаньэров с округлившимися животами и давно привык к этому.

Для Пэй Яо это тоже было самым обычным делом на земле, так что тогда они не придали своим словам особого значения, высказав то, что казалось естественным.

Вот только сейчас Чанся невольно задумался: «Мне... родить ребенка от Пэй Яо?»

До чего же странная мысль.

Он слегка нахмурил брови, никак не в силах вообразить себе подобное.

Маленькие детки такие крошечные, косточки у них совсем мягкие — он бы и в руки взять побоялся, куда уж там Пэй Яо, который к тому же младше него на несколько лет!

Сам Пэй Яо до сих пор вел себя как сущий ребенок: ни дня не мог посидеть смирно. Стоило старшим отвернуться, как он тут же улепетывал со двора — то птиц бить, то рыбу удить, то по горам да деревьям лазать. Да вдобавок то и дело ввязывался в драки с деревенскими мальчишками, возвращаясь домой с разукрашенным лицом.

Чанся решительно не мог представить этого сорванца в роли степенного «отца».

Да и себя в роли родителя он воображал с трудом.

В их доме не было родных дядей или близких двоюродных братьев, и даже если у дальних родственников рождались младенцы, Чанся лишь приходил навестить их, но никогда не помогал нянчиться.

Поскольку своего малютки в доме отродясь не водилось, юноша совершенно не умел обращаться с грудными детьми. Обыкновенно кто-то из взрослых брал кроху на руки и бережно перекладывал ему в объятия, и только тогда Чанся, затаив дыхание, мог осторожно баюкать мягкий сверток с младенцем.

Пока он предавался этим мыслям, Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа уже перевели разговор на другую

тему.

Чанся поспешил прогнать пустые думы. Прялка зашумела пуще прежнего: “ху-ху-ху” — колесо вращалось так быстро, что спицы слились в сплошное марево.

Доу Цзиньхуа, не прерывая ткачества, промолвила:

— Ты бы присмотрелся на досуге к местным девчонкам да шуанъэрам, поспрашивал людей. Может, у кого на примете есть кто подходящий для нашего Хун-эра.

— Знаю, матушка, — отозвался Чэнь Чжи.

Раз уж Пэй Ютан завела об этом разговор, то как же ему не позаботиться о племяннике?

Что же до прежней просьбы, которую он адресовал золовке, то сразу после того, как Пэй Яо получил знатную трепку, Чэнь Чжи под предлогом визита к родне лично съездил в деревню Ли и велел Пэй Ютан немедленно прекратить поиски невесты для сына.

Он лишь отговорился тем, что сперва не спросил самих ребят, а теперь выяснилось, что Пэй Яо и сам не прочь жениться на Чанся. Мол, это он, полезл поперед и чуть было не наломал дров.

О тех постыдных вещах, что натворил непутевый сын, Чэнь Чжи не мог поведать даже родной золовке — язык не поворачивался. Пришлось обойтись туманными оправданиями.

К счастью, Пэй Ютан не стала копать глубже и лишь с облегчением вздохнула.

На её взгляд, Чанся был чудесным ребенком, с которым можно прожить долгую и спокойную жизнь. Нравом он обладал смиренным, глупостей не творил, капризов не выказывал — у родителей никаких проблем с ним не было. Да к тому же и выкуп за него платить не нужно! Где еще сыщешь такого супруга?

После полудня небо по-прежнему висело свинцовой тучей, но, к счастью, дождь наконец-то утих.

Свет в комнатах стоял тусклый, куда темнее, чем в полдень. Шитье в такую пору — чистая порча глаз, так что Чэнь Чжи и Чанся устроились у самого порога главной комнаты, стараясь поймать последние крупинцы света, чтобы сделать еще пару стежков.

Пол в комнате был сплошь уставлен крестьянской утварью: тут лежали мотыги, лопаты, кирки да грабли.

Пэй Цзаоань и Пэй Юва мерно постукивали инструментами, приводя в порядок это нехитрое хозяйство.

В дождливые дни работы в поле нет, да и податься особо некуда. В гости идти — только людей позорить: прошагаешь по раскисшей грязи, а потом наследишь в чужом доме черными отпечатками обуви, сплошная грязь и срам.

Так что лучшего времени, чтобы починить инструмент, было не найти. Когда земля подсохнет, хоть в поле выходи, хоть в горы за хворостом — с исправным инвентарем любое дело спориться будет.

У одной из лопат разболтался черенок. Пэй Цзаоань еще пару дней назад приметил прямую и длинную жердь, обтесал её, ошкурил, и теперь, убедившись, что на дереве не осталось ни

единой занозы, с силой вогнал зауженный конец палки в железное ушко.

Пэй Яо устроился снаружи под навесом крыши. Расправив длинные ноги и низко согнув спину, он скреб точильным камнем по лезвиям двух затупившихся резцов.

Заметив это, Чэнь Чжи велел ему заодно наточить и старый кухонный нож, которым на заднем дворе рубили траву для скотины.

Звук точащегося металла нельзя было назвать резким, но и приятного в нем было мало: “ча-ча, цэн-цэн” — раздавалось со двора то тоньше, то глубже.

Доу Цзиньхуа не могла сидеть без дела и снова забралась за ткацкий станок.

Чэнь Чжи помассировал затекшую шею, аккуратно сложил починенную одежду и покосился в сторону станка. Последние пару дней свекровь ткала грубый холст из конопли, но до этого они успели сделать неплохой запас хлопковой ткани. Несколько рулонов оставались белыми, а три штуки они уже успели покрасить — в желтый и красный цвета.

Немного подумав, он произнес:

— Матушка, через пару дней, как закончим сучить хлопковые нити, надо будет сварить краску да окрасить их сперва, а уж потом заправлять в станок. Соткем рулон-другой узорчатой цветной ткани. Сошьем ребятам новое одеяло да матрас, да еще свадебный полог добавим — им этого убранства на первые несколько лет с лихвой хватит. А из остатков и в твою комнату новое одеяло соорудим.

Прежние желтые и красные холсты красились уже готовыми, отчего цвет выходил сплошным и строгим. Но ведь свадьба — дело праздничное, торжественное! Если соткать для постели пеструю ткань в полоску, выйдет и глазу приятно, и перед людьми не стыдно.

— Вот и ладно, вот и хорошо, — поспешно закивала Доу Цзиньхуа.

Когда речь заходила о женитьбе старшего внука, разве могла она остаться в стороне?

В прошлом и позапрошлом году она уже заводила об этом разговор, но Чэнь Чжи тогда лишь отмахивался — мол, рано еще, Пэй Яо совсем зеленый, в голове один ветер, остепениться не может, скачет как дикая обезьяна, куда ему жениться.

У Пэй Яо слух был острый — стоило ему услышать слово «свадьба», как рука с точильным камнем так и замерла в воздухе.

В их доме ткали круглый год. Часть полотна уходила на нужды семьи, но большую часть сурового холста отец отвозил в поселок, сдавая в тамошние лавки, что приносило неплохой доход для хозяйства.

Поскольку этот стук станка сопровождал его с самого детства, парень и подумать не мог, что эти самые отрезки ткани предназначались для их с Чанся свадьбы.

Чэнь Чжи, можно сказать, впервые во всеуслышание перед всей семьей объявил об их скорой женитьбе. Чанся тоже не выдержал и удивленно вскинул голову.

Пэй Цзаоань и вовсе расплылся в улыбке до ушей. Они с Доу Цзиньхуа до сих пор и ведать не ведали о прежних сомнениях Чэнь Чжи, полагая, что всё идет своим чередом, как и должно

быть.

На сердце у Пэй Яо окончательно отлегло.

Понимая, что в этом деле он до сих пор не заслужил доверия папы, и опасаясь, как бы лишние расспросы не вышли ему боком, парень придержал язык и как ни в чем не бывало продолжил усердно водить камнем по лезвию ножа.

*

Небо прояснилось, сделавшись лазурным и чистым. Прохладный ветерок приятно ласкал кожу, а солнечное тепло было мягким и ласковым — в права вступила настоящая, погожая осень.

У самой реки Пэй Яо, помахивая бамбуковой корзиной, бродил по зарослям в поисках марены.

Заприметив в траве знакомые стебли, он опускался на корточки, широким совком выкапывал растение вместе с корнем и, хорошенько отряхнув налипшую землю, бросал добычу в корзину.

Осень — самая благодатная пора для сбора марены. Мало того, что её сок шел на окрашивание нитей и тканей в сочный красный цвет, так еще и крупные, толстые корни можно было высушить и выгодно сдать в аптекарскую лавку.

Чтобы краска из марены вышла яркой и не линяла, в отвар нужно было добавить немного квасцов — этого добра в доме хватало, так что бежать в лавку нужды не было.

Для желтого цвета вполне годился придорожный желтоцвет, но если хочется вплести синие хлопковые нити, придётся сходить в горы и накопать индигоносной травы. В деревне повсюду полно диких трав — если знать их в лицо, каждая принесёт немалую пользу.

С тех пор как земля просохла и работать в поле стало одно удовольствие, Пэй Яо каждую свободную минутку тратил на поиски красильных трав, трудясь с редким усердием.

Пока он был занят делом, со стороны донесся чей-то оклик. Пэй Яо распрямил спину.

Ян Фэннянь и Пэй Жун шагали вдоль берега с плетеными рыболовными садками за плечами и бамбуковыми удочками в руках. Завидев приятеля, они с улыбкой спросили:

— Что-то тебя последние дни на реке не видать, рыбачить совсем забросил?

— Дома забот невпроворот, некогда было, — отмахнулся Пэй Яо и тут же перевел разговор: — После полудня собираюсь поковыряться в речке, вьюнов половить, пойдёте со мной?

К осени речные вьюны нагуливали жир, становились жирными и сочными — самое целебное лакомство в эту пору, оттого и цена на них на рынке сейчас была куда выше обычной.

— Как раз хотел у тебя спросить, — отозвался Ян Фэннянь. — Сегодня накопаем, пустим в чан с чистой водой на ночь, чтобы песок выпустили, а завтра чуть свет отвезем в поселок на продажу.

— Ладно, — кивнул Пэй Яо.

Поняв, что сегодня компании для рыбалки не будет, Пэй Жун и Ян Фэннянь не стали задерживаться. Они заранее сговорились посидеть с удочками, чтобы завтра вместе с вьюнами отвезти в поселок и свежую рыбу — так можно было выручить побольше монет.

Приятели зашагали к излюбленному месту у обрыва, но, услышав за спиной какое-то движение, разом обернулись.

К реке с корзинами для свиного корма спускались Чанся и Ян Сяотао. И Пэй Яо, который только что спины не разгибал за работой, тут же бросил свою корзину и припустил им навстречу.

Пэй Жун ткнул Ян Фэнняня локтем в бок и, многозначительно подмигнув, ухмыльнулся:

— Ну, что я говорил? Стоит ему завидеть Чанся, как его с места точно ветром сдувает!

<http://bllate.org/book/17875/1731504>